

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В 1921–1939 ГГ.

Л. Ю. Малыгина

*кандидат исторических наук, доцент
Брест, Беларусь, БрГТУ*

В статье исследуются: религиозная ситуация в западнобелорусском регионе, изменения в статусе христианских церквей в межвоенный период, обусловленные преференциально-гарантийной формой конфессиональной политики Польши.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь; Польская Автокефальная Православная Церковь; ревиндикация.

С момента подписания Рижского договора 1921 г. религиозные организации западнобелорусского региона подчинялись Министерству вероисповеданий и народного просвещения Второй Речи Посполитой (Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego II Rzeczypospolitej). Религиозными вопросами в министерстве занимался Отдел конфессий (Departament Wyznań). Хотя закрепление норм светского государства в основном законе предполагало разграничение церковной и светской юрисдикций, полномочия министра в сфере образования и религии подчёркивали клерикальный характер власти.

Возврат к преференциально-гарантийной форме правового регулирования деятельности религиозных конфессий был закреплён в конституциях II Речи Посполитой 1921 г. и 1935 г. Это выражалось в законодательной регламентации деятельности религиозных общин, провозглашении гарантий её осуществления исходя из принципа преференций (от лат. *praeferentia* – «предпочтений») прогосударственной Церкви. Так, в «Законе от 17 марта 1921 г.» оговаривался политико-правовой статус Польской республики как клерикального государства (ст. 110–120). Напрямую не утверждая верховенства единой государственной религии, данная польская конституция тем не менее закрепила политическое доминирование католицизма – «религии преобладающего большинства народа», которая «занимала в государстве первое место среди равноправных вероисповеданий». Римско-католическая церковь управлялась по собственным законам и её взаимоотношения с государством строились на основе международного договора – конкордата с Ватиканом, который должен был ратифицировать Сейм (ст. 114) [1].

Каждому гражданину гарантировалось признание веры, утверждалось, что реализация принципа религиозной свободы не должна противоречить законам, что никто не может быть принужден к участию в религиозных обрядах. Церкви и религиозные общины получили право на создание «благотворительных, религиозных и общественных организаций, школ и других образовательных учреждений» (ст. 110) [1].

Взаимоотношения государства и других церквей устанавливались законодательным путём на основе предварительного соглашения с их законными представителями (ст. 115). Не воспрещалось исповедание новой или ранее не признанной законом религии (ст. 116).

В школах было введено обязательное религиозное образование (ст. 120 [1]). Религиозная дисциплина в объёме 2-х часов в неделю преподавалась под надзором церковных и школьных властей. И поскольку за военное время нравственное состояние населения из-за отсутствия религиозного просвещения несколько пошатнулось, с ноября 1924 г. изучение основ католицизма вводилось в качестве обязательного предмета во всех школах страны [2, с. 3], в то время как преподавание дисциплин других конфессий было запрещено или встречало препятствия.

Помимо конституционного закона, основным нормативным актом, регулирующим дела Католической церкви, был конкордат между II Польской Республикой и Святым Престолом. Переговоры по его содержанию начались в 1921 г., подписание состоялось 10 февраля 1925 г., ратифицирование Сеймом большинством в 70 голосов – 26 марта этого же года [3, с. 23].

По инициативе Папы Римского некоторые религиозно-административные единицы Римско-католической церкви на территории Украины, Литвы и Беларуси, которые прежде подчинялись Могилёвской католической архиепархии Российской империи, перешли в ведение Польской католической церкви. Преобразования были обусловлены не только послевоенным административно-территориальным делением, но и присоединением в феврале 1922 г. Виленского края. 28 октября 1925 г. Виленская (Вильнюсская – по-литовски) епархия получила статус архиепархии-митрополии. Кроме 16 действующих в это время епархий были созданы новые в Ченстохове, Катовице, Пинске и Ломже, упразднена Сейнская. Все епархии, за исключением Львовской архиепархии, изменили свои границы. Самой крупной стала территория Вильнюсской архиепархии (53 960 км²), а самой маленькой – Катовицкой епархии (4 216 км²). Наибольшее количество католиков проживало в Варшавской архиепархии (1 421 136), наименьшее – в Луцкой епархии на Волыни (195 109) [3, с. 25].

Религиозные и гражданско-правовые правомочия католиков реализовывались в полном объёме. Римско-католическая церковь беспрепятственно осуществляла свою деятельность, выполняла отдельные функции государственных органов, стала активным проводником политики ревиндикации – передачи недвижимого церковного имущества историческому владельцу, что значительно усугубило межконфессиональные взаимоотношения этой «государственной» церкви с религиозными организациями национальных меньшинств.

Второй по количеству верующих во II Речи Посполитой являлась Православная Церковь. В 1918–1921 гг. она насчитывала более 4 млн. верующих в 7 епархиях [4, с. 904]. Православие было постоянным элементом конфессиональной структуры Речи Посполитой, а в её восточных регионах – доминирующим вероисповеданием среди белорусского и украинского населения.

В октябре 1920 г. по благословению св. Патриарха Тихона для районов Западной Беларуси, отошедших к Польше, была учреждена Пинско-Новогрудская епархия, на которую в августе 1921 г. был назначен епископ Пантелеимон (Рожновский). Когда в январе 1922 г. под давлением государственной власти епископат православной Церкви в Польше встал на путь разрыва канонической связи с Московским Патриархатом, епископ Пантелеимон за верность св. Патриарху Тихону был отрешен от управления епархией.

До выяснения границ юрисдикции епархий Русской Православной Церкви (РПЦ), оказавшихся на территории Речи Посполитой, они были присоединены к Варшавской митрополии и должны были следовать «Временным правилам об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (январь 1922 г.) [5, л. 6–9].

Переговоры об автокефалии с Патриархом Московским, которые польское правительство вело с 1921 г. закончились безрезультатно. Отделение признала и даровала «Томасом» от 13 ноября 1924 г. только Константинопольская Церковь. Акт от 17 сентября 1925 г., подписанный в Варшаве, официально провозгласил Польскую Автокефальную Православную церковь (ПАПЦ, польск. *Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny*). Объявление автокефалии произошло с нарушениями канонических и общеправовых норм – без согласия Русской Православной Церкви, в подчинении которой изначально находились епархии, и создало новый прецедент в церковном праве. Ситуацию оправдывали тем, что у Московского Патриарха на тот момент отсутствовала конкретная стратегия по нормализации внутренних дел в самой РПЦ, кризисом, вызванным большевистской антирелигиозной политикой.

В 1924–1939 гг. в составе ПАПЦ находились: Варшавско-Холмская, Волынская, Виленская, Гродненская (с 1925 г. – Гродненско-Новогрудская) и Полеская (с 1925 г. – Полесско-Пинская) епархии. К западнобелорусским епархиям относят три последние из них с 500 приходскими церквями и 5 мужскими и женскими монастырями, что, по утверждению православного историка Аф. Мартоса, было наполовину меньше, чем в довоенный 1914 г., и объяснялось закрытием польскими властями церквей в учебных заведениях, госпиталях, тюрьмах или передачей их католикам [6, с. 113].

Заключение церковно-государственного соглашения и отделение от РПЦ нередко считают основными причинами ухудшения положения православных в Польше межвоенного периода. Хотя утверждалось, что признание автокефалии может послужить основанием для внутренней стабилизации Православной церкви, работа над определением её правового статуса во II Речи Посполитой приняла затяжной характер.

1 июля 1926 г. была утверждена синодальная редакция устава Церкви – закон «О правовом положении Польской Автокефальной Православной Церкви». Согласно уставу ПАПЦ объявлялась неотъемлемой частью Вселенской Православной Церкви, автокефальная форма которой не противоречила священным канонам Церкви, патриархальным и синодальным томосам 1924 г. В законе говорилось, что источниками канонического права Православной Церкви в Польше были Слово Божье, содержащееся в Священном Писании, таинствах вселенских соборов и священной традиции. Устав поддерживал синодально-консисторскую систему в каждой из пяти епархий. Духовные консистории стали центрами епархиальных правлений и духовного суда. Низшими структурами в церкви были благочиния (польск. *decanaty*) и приходы. Устав оговорил компетенции митрополита, епископов, Синода, Собора и других церковных институтов. Были описаны способы организации религиозных братств, повышения квалификации духовенства, функционирования женских и мужских монастырей [4, с. 543]. Из-за того, что некоторые из положений этого синодального закона выходили за рамки общегосударственного права, правительство отклонило его ратификацию.

Юридический статус православной церкви во II Речи Посполитой был окончательно определён правительственными законами в редакции Министерства вероисповедания и народного просвещения от 18 ноября 1938 г. Декрет президента республики «Об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» и «Внутренний Устав Польской Автокефальной Православной Церкви» полностью подчиняли церковь Министерству ВиНП. Несмотря на декларацию внутрицерковной свободы и свободы сношений с другими православными церквями, кандидатуры митрополита и епископов должны были проходить одобрение высшей правительственной властью, документы – учреждаться после согласия министра вероисповеданий, должности могли занимать только польские граждане, официальным языком должен был быть польский. Таким образом, были ограничены права ПАПЦ самостоятельно определять свою внутреннюю структуру, иерархическое подчинение, распоряжаться своим имуществом и другие.

Таким образом, мы должны констатировать, что неравенство двух наиболее распространённых конфессий в довоенной Польше было закреплено на законодательном уровне. Регулирование польским правительством отношений между католиками и представителями других христианских конфессий – «восточной», православной, униатской и протестантской, было направлено на расширение влияния Римско-католической церкви, нередко в безапелляционной, агрессивной форме.

После отрыва Польской православной церкви от РПЦ главной внутренней проблемой этой конфессии являлся национальный вопрос. Большинство представителей высшего духовенства было русского происхождения, воспитанного в монархически-националистической идеологии, которая препятствовала пастырской деятельности в новой политической реальности. Русский язык доминировал у церковной администрации на всех уровнях: в проповедях, в преподавании религии и изданиях. В ответ на требования белорусских и украинских приходов использовать родной язык, Архиерейский Синод принял постановление от 3 сентября 1924 г., в котором было разрешено использование белорусского, украинского, польского и чешского языков (помимо русского) в тех службах, текст которых будет представлен церковным властям. Также было дано разрешение проповедовать на языке верующих, преподавать на нём религию и вводить родной язык в семинариях [7, с. 349]. Позже церковные власти, в соответствии с новыми тенденциями в национальной политике государства, также стремились ограничить украинское и белорусское влияние.

Чтобы как можно скорее отделить ПАПЦ от влияния его предыдущего руководства, комитет по национальным вопросам при Совете министров Польши принял решение о превращении православной церкви в «инструмент распространения польской культуры на восточных землях» [8, с. 58]. В этих целях были ликвидированы православные семинарии в Вильно и Кременце, подготовка православного духовенства осуществлялась на факультете богословия Варшавского университета, в православных храмах стала распространяться практика проведения проповедей на польском языке. Под давлением властей была создана специальная комиссия по переводу литургических текстов на

польский язык. С русского на польский язык переводилось делопроизводство. Показательным в этом отношении документом является распоряжение Полесского воеводы В. Костек-Бернацкого от 16 мая 1933 г. вести метрическую документацию в приходах исключительно на государственном языке: «все документы оформленные после 1 марта 1933 г. не на польском языке не будут рассматриваться» [9, с. 102–103].

В одной из инструкций по проведению политики полонизации от 24 января 1939 г. было сказано: «Ещё нужно уделить внимание православному духовенству и его деятельности. Священники должны быть абсолютно лояльными к государству. [Необходимо] скрупулёзно собирать всю информацию об их нелояльном отношении к Польше... Исходя из положения о связи между понятиями польскости и католицизма, следует инициировать и активно поддерживать все действия общества и духовенства, направленные на увеличение римско-католических институтов – строительство церквей, часовен, придорожных крестов и т. д.» [10].

Культурно-идеологическое давление на православное население дополнялось нарушением имущественных прав. Под прикрытием ревиндикации представители светской власти или Римско-католической церкви в западнобелорусских землях закрывали или захватывали православные храмы.

Уже к сентябрю 1921 г. от имени православного духовенства и политических организаций стали поступать первые сведения о произволе, нарушении конституционных прав и статей Рижского договора в области религии:

1) православные епископы в обращении к Московскому Патриарху Тихону жаловались на повальное закрытие храмов: «Из 38 приходов Бельского уезда только 11 приходов осчастливлены правом свободного служения своему Богу... Такое же сокращение приходов проводится Правительством и в других уездах и вызывает негодование населения» [9, с. 38];

2) секретарь Посольства Белорусской Народной Республики в Литве, протоколируя факты перевода в костёлы «польскими оккупационными властями в Гродненской губернии» около 30 церквей, отмечал, что «многие из названных церквей (например Козловичи, Старосельцы, Королев мост и др.) никогда не были костёлами; прочие же были когда-то униатскими церквями» [9, с. 41–42];

3) в списке закрытых на сентябрь 1921 г. православных монастырей и церквей протоиерей Иоанн Корчинский пишет: «По сообщению Гродненского Епископа Владимира поляки забрали всего в Гродненской епархии более 50 православных церквей на костёлы. Из этого числа только 5–6 были когда-то костёлами. Теперь поступают всё новые заявления о захвате церквей и раскисировании поляками православных белорусских приходов. Всех православных приходов в Гроденщине в 1915 г. было 362. {...} В настоящее время... около 100» [9, с. 44]. Только в Брест-Литовском уезде в руки Римско-католической церкви перешли Милейчицкая, Волчинская, Верховичская, Чернавчицкая, «Остромеченская» и Николаевская Братская церкви [9, с. 44]. (Как мы знаем, и Свято-Николаевский гарнизонный собор в крепости также за 1922–1930 гг. был перестроен по проекту польского архитектора Ю. Лисецкого в костёл).

В ноте о нарушении прав национальных меньшинств на имя посла Польши за 1924 г. нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин писал: «...в Гроденщине, где отобраны православные церкви Новодворская, Дубнецкая и почти все церкви Вельского уезда; ещё недавно отобрана церковь Жидоплинская и целый ряд других, а также Крестовоздвиженская церковь в особо чтимом белорусским населением Жировичском монастыре на Слонимщине.

В Виленщине с 1919 г. по 1923 г. отобраны: кафедральный собор, церкви–Благовещенская, Андреевская, Военно-Госпитальная, Тюремная, Михаило-Архангельская, Антокольская, Кладбищенская, церковь Марии Магдалины с монастырём и 7 домовых церквей. Часто захват происходил следующим образом: будущий владелец церкви, ксёндз, проникнув тем или иным путём по своему усмотрению в церковь, совершал в ней богослужение, после чего она уже не могла вернуться к схизматикам и должна была стать и становилась костёлом. Вслед за этим происходили безобразные оргии разрушения: реликвии и церковные ценности подвергались беспощадным уничтожениям...» [9, с. 57].

Кроме того, Ватиканом была предпринята попытка за счёт православных приходов возродить белорусскую греко-католическую церковь, но без поддержки польских властей желаемого эффекта она не имела.

Таким образом, правовое регулирование религиозных организаций в преференциально-гарантийной форме во Второй Речи Посполитой определялось статьями конституций 1921 г. и 1935 г., конкордатами, решениями польского правительства, в частности Министерства вероисповеданий и народного просвещения. В определённой степени стабилизации и упорядочиванию внутрицерковной жизни ПАПЦ способствовали реформы в сфере административно-территориального деления. Однако «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» (1922 г.) долгое время противоречили конституционным нормам и ограничивали деятельность православных приходов. Провозглашение автокефалии Православной церкви в Польше в 1924 г. и введение законов 1938 г. почти ничего не изменили – эта конфессия была поставлена в неравное по сравнению с Католической церковью материальное положение, теряла часть независимости.

Конституционное закрепление приоритета Польской Римско-католической церкви и высокая степень её внутрицерковной самостоятельности по конкордату 1925 г. в значительной степени повлияли на характер этноконфессионального взаимодействия между христианскими церквями. Государственные власти способствовали распространению католицизма, воспринимали его как неотъемлемую часть национальной идентичности возрождённого государства. Такие направления конфессиональной политики как ревиндикация и религиозное образование проводились среди православного населения «восточных окраин» в контексте полонизации и окатоличивания, что свидетельствовало не о межконфессиональном диалоге, а о конфронтации. Однако несмотря на перечисленные выше сложности, православная церковь в Западной Беларуси сумела выстоять благодаря упорству своих пастырей и верности населения.

Список источников и литературы

1. Конституция Польши 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742>. – Дата доступа : 10.04.2019.

2. Kolbuk, W. Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772–1914 / W. Kolbuk. – Lublin : Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992. – 617 s.
3. Olszar, H. Kościół w Polsce w okresie międzywojennym (1918–1939) / H. Olszar // Sympozjum 1(12) 2004. – S. 7–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sympozjum.scj.pl/plik/46eebe87-2434-e811-80b7-984be15f9d7b>. – Дата доступа : 27.05.2022.
4. Mironowicz, A. Kościół prawosławny w Polsce / A. Mironowicz. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2006. – 920 s.
5. Archiwum Państwowe w Lublinie. Zespół 403. Sygnatura 640. Urząd Wojewódzki Lubelski. Wydział Społeczno-Polityczny 1919–1939.
6. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. В. Гурко; Национальная академия наук Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 621 с.
7. Dudra, S. Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny w obszarze polityki wyznaniowej oraz polityki narodowościowej Polski Ludowej i III Rzeczypospolitej / S. Dudra. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2019.
8. Шевченко, К. «Картина варварства и глупости» : Белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. // Антигитлеровская коалиция – 1939 : Формула провала. Сборник статей / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. – М. : Кучково поле, 2019. – 336 с.
9. Польша – Беларусь (1921 – 1953). Сборник документов и материалов / под. ред. А. А. Вабищевича. – Минск : Беларусь, 423 с.
10. Dalsze wytyczne do akcji rewindykacyjno-polonizacyjnej [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.cerkiew1938.pl/dlasze_wytyczne.html. – Дата доступа : 02.07.2020.